

1. Масштаб и разнообразие форм, которые приняло возрождение исламского фундаментализма, случившееся в начале последней четверти двадцатого века, не допускают никаких скоропалительных, обобщающих выводов на его счет. Было бы абсолютно ошибочно уравнивать католицизм польских рабочих с католицизмом франкистской реакции, хотя мы и не должны упускать общие черты в аграрной истории Испании и Польши, а также то политическое и идеологическое содержание, которые имел католицизм в обеих странах.

Точно так же элементарная осторожность аналитиков не позволяет нам относить к одной категории такие разнообразные феномены, как возрождение мусульманских клерикальных и/или политических движений в Египте, Сирии, Тунисе, Турции, Пакистане, Индонезии, Сенегале, военная диктатура Зии Ульхака в Пакистане или Каддафи в Ливии, захват власти иранским шиитским духовенством, афганскими партизанами, и т.д. Даже феномены, на первый взгляд, явно сходные, например, успех одного и того же движения, «Братьев-мусульман» в Египте и Сирии, имеют разное политическое содержание и функции, обусловленные разницей в краткосрочных задачах.

Помимо согласия по поводу духовных материй, согласия по проблемам повседневности (когда такое согласие существует), и несмотря на схожие, часто одинаковые названия и организационные формы, мусульманские движения остаются по своей сути политическими движениями. Это означает, что они являются выражением особых, вполне посторонних социополитических интересов.

2. Ислам никогда не погружался в политику. Ислам и политика всегда были неразделимы, поскольку ислам это политическая религия в этимологическом смысле слова. Поэтому требование отделения религии от государства в мусульманских странах есть больше, чем просто секуляризм: это открыто антирелигиозное требование. Отсюда понятно, почему ни одно из крупных течений буржуазного или мелкобуржуазного национализма на исламской почве, за исключением кемализма в Турции, не призывало к секуляризму. То, что в любом другом месте является элементарной демократической задачей, – отделение религии от государства, на Ближнем Востоке – задача настолько радикальная, что даже «диктатуре пролетариата» будет сложно решить её. Это внеклассовая проблема. Более того, широкие массы в мусульманских обществах в целом не проявили никакого, или почти никакого желания противодействовать своей религии. Впрочем, ислам и не воспринимался в 20-ом веке как идеологический цемент отжившей феодальной или полуфеодальной классовой структуры в этих обществах. Он воспринимался как основной элемент национальной идентичности, объект глумления чуждых христианских (или даже атеистических) угнетателей. Не случайно Турция – единственное мусульманское общество, которое не находилось в 20 веке в прямой зависимости от какого-либо другого государства. Мустафа Кемаль [Ататюрк] также был исключением в своем роде. Свою главную битву он вёл не против империализма, а против султаната, соединения светской и духовной власти (Халифат). С другой стороны, Насер, каким бы радикальным буржуазным нацио-

налистом он ни был, отчаянно стремился задействовать ислам в своей главной битве с империализмом; тем более, что это был для него самый легкий способ защитить свои левый и правый фланги.

3. Данные тезисы не касаются ислама как одного из элементов (пусть и фундаментального) идеологии националистических течений. Время такого ислама прошло, как и течений, связанных с ним. Мы будем различать ислам, как один из способов утвердить свою национальную, коммунитарную или даже сектантскую идентичность, с одной стороны, и ислам, как самоцель, как тотальную, общую перспективу, уникальную, исключительную программу, с другой. «Коран – наша конституция», - декларировал Хасан аль-Банна, основатель «Братьев-мусульман», в 1928 году. Ислам, интересующий нас здесь, это ислам, возведенный в абсолютный принцип, которому подчиняется любое требование, борьба или реформа – ислам «Братьев-мусульман», «Джамаата-е Ислами», разнообразных объединений улем, а также ислам движения иранских аятолл, организационно оформленного в Исламскую республиканскую партию.

Общее обозначение этих разнообразных движений – *исламский фундаментализм*, то есть, желание вернуться к исламу, стремление к исламской утопии, которая, между прочим, не может ограничиваться одной нацией, а должна включать все мусульманские народы, а то и весь мир. В духе этих представлений Бани-Садр заявил бейрутской газете «Ан-Нахар» в 1979 году, что «аятолла Хомейни – интернационалист; он противостоит исламским сталинистам, кото-

рые хотят построить ислам в отдельно взятой стране” (sic!). Такой «интернационализм» виден и в том, как все эти движения выходят за рамки своих стран и/или налаживают более или менее близкие отношения друг с другом. Все они отрицают национализм в узком смысле этого слова и считают националистические течения, даже те, которые называют себя исламскими, – отступниками, а то и врагами. Они противостоят иностранному угнетению или внутреннему врагу во имя ислама, а не во имя «нации». Поэтому Соединённые Штаты для Хомейни есть не столько «империализм», сколько «Великий Сатана», а Саддам Хусейн, прежде всего, «атеист», «неверный». Для всех перечисленных движений Израиль это не столько сионистский захватчик палестинской земли, сколько «иудейский захватчик исламской святой земли».

4. Каким бы прогрессивным, национальным и/или демократическим ни было объективное значение борьбы, которую ведут те или иные исламские фундаменталистские течения, это не может скрыть того факта, что их идеология и их программа по определению реакционна. Как назвать программу, в которой идет речь о построении исламского государства, истово скопированного с образца седьмого века нашей эры, как не реакционной утопией? Какого рода идеология стремится восстановить порядок 13-ти вековой давности, если не в высшей степени реакционная идеология? Поэтому неверно, и даже абсурдно определять движения исламского фундаментализма как буржуазные, до какой бы степени борьба некоторых из них не вовлекала всю национальную буржуа-

зию или её часть. Так же неверно и определять их как революционные, когда им случается вступить в конфликт с теми же самыми силами буржуазии.

По природе своей программы, идеологии, социальному составу и даже социальному происхождению основателей, движения исламского фундаментализма мелкобуржуазны. Они не скрывают ненависти как к представителям крупного капитала, так и к представителям рабочего класса, а также к империалистическим странам, как и к «коммунистическим». Они враждебны двум столпам индустриального общества, которые угрожают им: буржуазии и пролетариату. Они связаны с теми слоями мелкой буржуазии, которые были описаны в Коммунистическом манифесте:

Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин - все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории.

Мелкобуржуазная исламская реакция находит своих идеологов и лидеров среди «традиционных интеллектуалов» мусульманских обществ - улем и им подобных, а также в низших эшелонах буржуазных «органических интеллектуалов», выходцев из мелкой буржуазии, обреченных оставаться ей: учителей и особенно конторских служащих. В период восхождения исламский фундаментализм обильно рекрутирует своих сторонников в университетах и других учреждени-

ях, формирующих «интеллектуалов», которые, впрочем, скорее зависят от своего социального происхождения, чем от гипотетического, зачастую смутного будущего.

5. В странах, где исламская фундаменталистская реакция смогла стать массовым движением и где она сейчас развивается полным ходом, средний класс составляет довольно высокий процент работающего населения, в соответствии с определением из Коммунистического Манифеста: *мелкие промышленники, мелкие торговцы и рантье, ремесленники и крестьяне*. Тем не менее, любая вспышка исламского фундаментализма мобилизует не только большую или меньшую часть средних сословий, но и другие слои, только что порождённые средним классом под воздействием капиталистического первоначального накопления и обнищания. Слои пролетариата, пролетаризация которых произошла совсем недавно, и, прежде всего, слой люмпен-пролетариев, которых капитализм вытеснил из их прежнего мелкобуржуазного состояния, особенно восприимчивы к фундаменталистской агитации, чаще поддаются под её влияние. Это и есть социальная база исламского фундаментализма, его массовая база. Но эта база не является естественным ресурсом религиозной реакции, в том смысле, в котором буржуазия связана со своей программой. Какой бы ни была сила религиозных чувств в массах, даже если речь идет о такой религии, как ислам, есть качественная разница между тем, чтобы разделять эти чувства и тем, чтобы видеть в религии земную утопию. Для того, чтобы опиум для народа

стал действенным стимулянтom в эпоху автоматизации, этот народ должен в самом деле не иметь другого выбора, кроме как отдаться на божью милость. Об Исламе можно сказать как минимум то, что его непосредственная польза сомнительна!

На самом деле, исламский фундаментализм предлагает больше вопросов, чем ответов. Хотя исламский закон на несколько столетий младше римского права, он возник в обществе значительно менее развитом, чем древний Рим. (Коран был в огромной степени вдохновлен Торой, так же как арабский образ жизни был весьма близок еврейскому). И, помимо проблемы обновления гражданского кодекса, которому 13 веков, существует также проблема его завершения. Иными словами, самый ортодоксальный мусульманский фундаменталист не способен ответить на вопросы, поставленные современным обществом, с помощью одних только толковательных ухищрений, если только эти ухищрения ни станут абсолютно произвольными, и следовательно, ни станут источником бесконечных разногласий среди толкователей. Толкований Ислама столько же, сколько толкователей. Суть исламской религии, на которой сходятся все мусульмане, никоим образом не удовлетворяет гнетущие материальные нужды мелкой буржуазии (о духовных нуждах мы сейчас не говорим). Исламский фундаментализм сам по себе, как программа, ни в коем случае не способен реализовать стремления тех социальных слоев, к которым он обращается.

6. Социальная база, описанная выше, характерна своей политической неустойчивостью. В приведенной цитате из Коммунистического Манифеста описано не фиксированное положение средних классов, а только подлинное содержание их борьбы против буржуазии, когда эта борьба имеет место, когда они поворачиваются против буржуазии. Перед тем, как вступить в борьбу с последней, средние слои были её союзниками в борьбе с феодализмом; перед тем, как пытаться повернуть колесо истории вспять, они помогали двигать его вперед.

Средние классы – первостепенная социальная база демократической революции и национально-освободительной борьбы. В отсталых, зависимых обществах, в частности, в мусульманских, средние слои по-прежнему играют эту роль, поскольку задачи национальной и демократической революций в той или иной степени не решены и стоят на повестке дня. Средние слои - наиболее пылкие поклонники любого буржуазного (а ещё больше мелкобуржуазного) руководства, берущегося за эти задачи. Средние слои это также основная социальная база бонапартизма восходящей буржуазии; фактически они являются социальной базой буржуазного бонапартизма. Так что широкие слои среднего класса выступают самостоятельно и ищут других путей только в ситуации, когда буржуазное или мелкобуржуазное руководство, взявшее на себя выполнение национальных и демократических задач, наталкивается на собственные барьеры и теряет доверие.

Конечно, пока восходящий капитализм вроде бы открывает перспективы вертикальной социальной

мобильности для средних сословий, пока условия их существования улучшаются, они не ставят под сомнение существующую систему. Даже будучи деполитизированными и пассивными, они обычно играют роль «молчаливого большинства» при буржуазном порядке. Но если капиталистическая эволюция общества ложится на него всей своей тяжестью – тяжестью национальной и/или интернациональной конкуренции, инфляции и долгов – средние классы становятся опаснейшим ресурсом оппозиции. Они выходят из-под какого-либо контроля буржуазии, и становятся вдвойне опасны оттого, что жестокость и злоба мелкого буржуа, терпящего бедствие, не имеет равных.

7. Но даже в этом случае реакционный выбор не обязателен для мелкой буржуазии, как бы она ни была затоптана капиталистической системой и разочарована буржуазными и мелкобуржуазными национально-демократическими лидерами. Всегда есть альтернатива, по крайней мере, в теории. Средние сословия вынуждены выбирать между реакцией и революцией. Они могут присоединиться к революционной борьбе против буржуазии, как предсказано в Коммунистическом манифесте:

Если они [средние сословия] революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата.

Между тем, в отсталых и зависимых обществах, которые не учитывались в Коммунистическом манифесте, средние сословия не имеют абсолютно никакой потребности отказываться от своей позиции ради подчинения пролетарскому руководству. Ровно наоборот: разделив стремления среднего класса, особенно национально-демократические задачи, пролетариат может перетянуть его на свою сторону.

Но, для того, чтобы завоевать доверие средних сословий, пролетариат должен, прежде всего, сам иметь надежное руководство, доказавшее свою политическую и практическую состоятельность. Если руководство с пролетарским большинством дискредитировало себя на уровне национально-демократической политической борьбы (удерживая большинство благодаря своим позициям в профсоюзах или просто из-за недостатка альтернативы), если оно проявляет политическую слабость перед лицом существующего порядка, или, хуже того, поддерживает его, тогда средним классам не остаётся ничего, кроме как отдалиться мелкобуржуазной реакцией – даже если она имеет религиозный характер, как исламская реакция – и, возможно, следовать за ней.

8. Во всех странах, где исламский фундаментализм обрел серьёзную почву, особенно в Египте, Сирии, Иране и Пакистане, существуют все условия, описанные выше. Во всех этих странах жизненные стандарты среднего класса явно ухудшились за последние несколько лет. Хотя некоторые из них сами являются экспортёрами нефти, единственное

влияние, которое оказывает рост цен на нефть на большую часть средних классов, это мощнейшая инфляция. Кроме того, буржуазные и мелкобуржуазные национально-демократические правительства этих стран в целом дискредитированы. Во всех четырёх странах национально-демократические силы подверглись испытанию государственной властью.

Все эти правительства имели практически единодушную поддержку среднего класса в определённые моменты своей истории, пытаясь реализовывать национально-демократические программы. Некоторые зашли далеко на этом пути, особенно в Египте и странах египетского влияния, где над политическим ландшафтом возвышалась фигура Насера. Националисты сумели продержаться у власти долго – в вышеупомянутых случаях из-за того, что опорой их власти являлась армия. В Иране и Пакистане, где националисты формировали гражданские правительства, армия скоро смела их; Моссадех и Бхутто потерпели крах. Во всех четырёх странах достижения в реализации национальной демократической программы, даже в рамках буржуазного государства, оказались либо совсем незначительными, либо фактически нулевыми. Даже в Иране, где опыт Моссадеха был очень короток, Шах взял на себя (по советам своих американских попечителей) реализацию псевдо-бисмарковскими методами того, что в других местах добивались совместными усилиями Робеспьеры и Бонапарты. С другой стороны, единственно значимые политические организации рабочего класса во всем регионе это сталинистские партии.

Последние, те из них, которые добились какого-либо

успеха, полностью дискредитировали себя многочисленными предательствами борьбы масс и заключения сделок с властью предрержащими. Поэтому, когда в четырех упомянутых странах в последние несколько лет средний класс начал проявлять недовольство, ни одна рабочая, буржуазная или мелкобуржуазная националистическая организация не смогла извлечь из этого выгоду. Дорога для мелкобуржуазной реакции исламского фундаментализма была широко открыта.

И, напротив, в Алжире, Ливии и Ираке, где просвященный деспотизм буржуазной или мелкобуржуазной националистической бюрократии позволил широким массам среднего класса наживаться на нефтяной манне, исламский фундаментализм был остановлен.

9. Пока исламский фундаментализм весьма успешно развивался в Египте, Сирии, а также в Иране и Пакистане, формы и широта его достижений кардинально различались в разных странах, как и его политическое содержание и функции. В Сирии фундаменталистское движение – главная оппозиция упадочному бонапартизму баасистской буржуазной демократии, и он занят борьбой с ней ни на жизнь, а на смерть. Сирийские фундаменталисты выиграли от того, что баасистская правящая элита принадлежит к религиозному меньшинству (Алави).

Ожесточенная, чисто реакционная программа движения сирийского фундаментализма сводит возможность его прихода к власти практически к нулю. Оно не может само по себе, на основе имеющейся у неё программы, мобилизовать силы, необходимые для свержения баасистской диктатуры. И тем более оно

не может, само по себе, управлять страной с такими острейшими экономическими и политическими проблемами, как Сирия. Сирийские фундаменталисты, таким образом, вынуждены смыкаться со слоями собственников (буржуазия и помещики). Они не могут быть ничем, кроме как авангардом этих слоёв. В Египте также, и по тем же причинам, возможность независимого захвата власти фундаменталистским движением очень ограничена, тем более, оно имеет там меньшее влияние, чем в Сирии. В обеих странах долгая борьба против прогрессивных режимов закалила фундаменталистские движения, тем самым обострив их реакционный характер. Более того, сам масштаб экономических проблем в Египте делает претензии фундаменталистов на власть ещё менее состоятельными.

Египетская буржуазия прекрасно осознает этот факт и потому очень услужлива с фундаменталистским движением. Фундаменталисты составляют в её глазах идеальную «пятую колонну» внутри массового движения – крайне эффективное «антитело» против левых. Поэтому её совершенно не беспокоят попытки фундаменталистов перехватить у левых две их излюбленных темы – национальный вопрос и социальный вопрос; любые достижения исламской реакции в этих вопросах означают эквивалентные потери левых. Поведение египетской буржуазии в связи с фундаменталистским движением напоминает обычное движение буржуазии в сторону крайне правых и фашистов перед лицом глубокого социального кризиса. Пакистан отличается от Египта тем, что пакистанское фундаменталистское движение консоли-

дировалось при реакционных режимах. Поэтому оно оказалось способным надолго присвоить некоторые элементы национально-демократической программы и тем самым сформировать успешную оппозицию. Но в те же самые периоды буржуазные национально-демократические тенденции сами были в оппозиции, и потому имели больший авторитет и большее влияние, чем фундаменталисты.

Только когда Бхутто, покрыв во впечатляющем историческом рывке стадии эволюции насеровского типа, резко отторгла от себя массы, завязнув в собственных противоречиях, путь для крайне правых во главе с фундаменталистским движением (а крайне левые в Пакистане были незначительны) оказался открыт. Банкрот Бхутто был таким очевидным, что фундаменталисты умудрились мобилизовать огромное массовое движение против неё.

Военный переворот должен был предотвратить «анархию», к которой могло бы привести возможное свержение Бхутто (как в Иране!). Чтобы завоевать симпатии фундаменталистов, реакционная буржуазная военная диктатура Зии Ульхака перехватила их проекты исламских реформ и использовала их в своих целях. Сегодня оно рассчитывает на фундаменталистскую оппозицию в смысле нейтрализации любой «прогрессивной» альтернативы режиму, включая новую партию Бхутто. В трех случаях, проанализированных выше, фундаменталистское движение оказалось ничем иным, как инструментом реакционной буржуазии. В Иране всё сложилось иначе.

10. В Иране фундаменталистское движение, представленное, в первую очередь, фундаменталистами из шиитского духовенства, было выковано в долгой и тяжелой борьбе против в высшей степени реакционного, поддерживаемого империализмом, режима шаха. Печальное историческое банкротство иранского буржуазного национализма и сталинизма хорошо известны, и мы не будем останавливаться здесь на этом. Из-за уникального стечения исторических обстоятельств, иранское фундаменталистское движение умудрилось стать единственным орудием решения двух немедленных задач национально-демократической революции в Иране: свержение шаха и освобождение от американского империализма.

Такая ситуация сложилась ещё и потому что две эти задачи находились в совершенной гармонии с общей реакционной программой исламского фундаментализма. А, поскольку социальный кризис в Иране нарастал, и возникали предпосылки революционного свержения шаха, поскольку недовольство им средних классов достигло апогея, фундаменталистское движение, олицетворяемое Хомейни, сумело, сконцентрировав огромную силу рвавшегося в бой среднего класса и люмпен-пролетариата, нанести режиму серию сокрушительных ударов.

Фундаменталисты доходили до самопожертвования в своем стремлении оставаться безоружными – на такой подвиг способно только религиозное движение. Иранское фундаменталистское движение сумело реализовать первую стадию национально-демократической революции в Иране. Но её фундаменталист-

ский характер очень скоро возобладал. В каком-то смысле иранская революция стала перманентной революцией наоборот. Начавшись с национально-демократической революции, она могли бы, под пролетарским руководством, «перерасти» в социалистическую трансформацию. Но фундаменталистское мелкобуржуазное руководство не допустило этого, направив революцию, наоборот, в реакционную сторону. Февральская революция 1979 года была поразительна похожа на февраль 1917-го: движение из одинаковых исходных точек в противоположные стороны. В то время, как октябрь 1917 позволил русской демократической революции достичь своего логического завершения, в Иране фундаменталистское руководство предало демократическое содержание революции.

Если русские большевики заменили Учредительное собрание, после того, как сами же боролись за его созыв, подлинно демократической властью советов, то аятоллы вместо Учредительного собрания, созыв которого также был их главным требованием, произвели на свет реакционную карикатуру на него – мусульманскую «ассамблею экспертов». Судьба этого требования, выдвигавшегося обеими революциями, демонстрирует противоположную природу их руководства, а следовательно, и противоположные пути, которые были выбраны.

Что касается демократических форм организации, возникших во время иранской революции, исламское руководство кооптировало их. Но шуры были жалким подобием советов! Национальный вопрос: в то время, как благодаря пролетарскому интернационализму большевиков, стало возможным освобождение

угнетенных народов российской империи, исламский «интернационализм» аятолл оказался благочестивым поводом для кровавого подавления угнетенных народов персидской империи. Судьба женщин в обеих революциях также хорошо известна. Фундаменталистское руководство Ирана осталось верным своей национально-демократической программе только в одном пункте – в борьбе с американским империализмом. Но это была своя, особая верность. Обозначая врага не как империализм, а как «Запад», а то и как «Великого Сатану», Хомейни призывал, по сути, выплеснуть ребенка вместе с водой, а, вернее, просто выплеснуть ребёнка. К ненавистному «Западу» он относил все политические и социальные завоевания буржуазной революции, включая демократию и даже марксизм, который он справедливо считал продуктом «западной» индустриальной цивилизации.

Он призывал иранцев избавить своё общество от этой чумы, отрицая ключевые связи между Ираном и империализмом: экономические. Захват посольства США, в том виде, в каком он был организован, ничего не дал Ирану. Он оказался очень дорогим, и выгоду в итоге получили американские банки. Какая бы фундаменталистская диктатура ни сформировалась в Иране в дальнейшем, фундаментализм уже оказался там главным препятствием для иранской революции.

Более того, её дальнейшее развитие весьма проблематично. Помимо исключительного стечения обстоятельств, описанного выше, существует фундаментальное различие между Ираном и тремя другими вышеупомянутыми странами: Иран может позволить себе «роскошь» эксперимента под началом

независимого, мелкобуржуазного, фундаменталистского правительства. Его нефтяные запасы - гарантия положительного сальдо бюджета. На какой цене и насколько долго? Итоги экономического развития за два года фундаментализма у власти крайне негативны по сравнению с предыдущими годами. С другой стороны, большое число противоборствующих центров власти показывает несовместимость фундаменталистской «программы» и того разнообразия социальных слоев, которые связывают себя с ней и толкуют её по-своему. Только авторитет Хомейни позволяет сохранять видимость единства.

11. Исламский фундаментализм – один из самых опасных врагов революционного пролетариата. Без малейших сомнений и при любых обстоятельствах необходимо бороться с его «реакционным и средневековым влиянием», как сказано много лет назад в «Тезисах по национальному и колониальному вопросу», принятых на Втором конгрессе коммунистического интернационала. Даже в таких случаях, как иранский, где фундаменталистское движение временно берёт на себя решение национально-демократических задач, долг революционных социалистов – бескомпромиссно бороться против одурманивания фундаментализмом борющихся масс. Если этого не произойдет, если массы не освободятся вовремя, их ждет большая опасность. Сражаясь вместе с общим врагом, революционные социалисты должны противостоять любой попытке развернуть борьбу трудящихся в реакционном направлении.

Любой промах в решении этой ключевой задачи - не только признак существенной слабости, но и угроза ложных, оппортунистических шагов. С другой стороны, даже в случаях, когда исламский фундаментализм принимает чисто реакционные формы, революционные социалисты должны использовать тактическую осторожность в борьбе с ним. Крайне важно не попасть в фундаменталистскую ловушку борьбы по религиозным вопросам. Наши вопросы - национальные, демократические и социальные. Необходимо помнить тот факт, что часть, порой подавляющая часть масс, находящаяся под влиянием исламского фундаментализма, может и должна быть вырвана из его орбиты и включена в борьбу трудящихся.

В то же время революционные социалисты должны без экивоков провозглашать свою приверженность светскому обществу, что является базовым элементом демократической программы. Они могут не выпячивать свой атеизм, но секуляризм должен быть на первом плане, если они не хотят заменить Маркса Мухаммедом!